

Инго Хаар

**Демографическая конструкция
«потерь от изгнания»:
состояние исследования, проблемы, перспективы**

Предмет исследования немецких «потерь от изгнания», как в Федеративной Республике Германии называли подведение итогов второй мировой войны с точки зрения количества жертв, происходивших с прежних немецких территорий до 1945 г. и из числа тогдашних «фольксдойче», формировался уже в 50-е гг. В нем отразилась актуальная потребность тогдашнего правительства Аденауэра и союзов изгнанных во внешнеполитической инструментализации соответствующих итогов: статистические данные о потерях населения на протяжении двух последних лет войны и в ходе изгнаний, имевших место после Потсдамского соглашения, должны были представить западному миру новые аргументы для будущего пересмотра послевоенного территориально-государственного устройства. Эти расчеты и исследования недвусмысленно доказывали завышенные цифры жертв. Хотя альтернативные способы действия, позволявшие доказать меньшие цифры жертв, имелись с 60-х гг., они не публиковались или становились известными только в отдаленных местах. Реалистические исследования не могли пробить себе дорогу в Федеративной Республике Германии до конца 80-х гг., хотя внутри страны шла живая и вполне ориентированная на международные научные стандарты дискуссия.

Только с 1989 г. цифра в 2 млн. жертв изгнания в 50-е гг., по которому был подведен итог, оказалась под давлением. Тем

самым в центре внимания впервые оказались результаты деятельности правительственных комиссий, работавших при закрытых дверях. В политическом отношении в этот момент у ворот стояло воссоединение, для чего были пересмотрены старые цифры и предложена альтернатива до 500-600 000 жертв насилия, реалистическая с внешнеполитической точки зрения по сравнению с данными в более чем 2 млн. К этому добавлялась, однако, смена парадигмы в западногерманской исторической науке, соответствовавшей трезвому обращению с немецкими потерями от изгнания. Она сопутствовала широкому интересу общества ФРГ к немецким военным преступлениям и геноциду до 1945 г.

В настоящее время официальная политика воспоминания в Федеративной Республике Германии, но прежде всего союзов, объединяющих жертвы, снова исходит из старого числа более 2 млн. жертв изгнания. Ниже будет разъяснено, какие отдельные проекты расчетов подтверждают те или иные «потери от изгнания», как были сконструированы эти потери и где уже была начата или еще должна была последовать оценка устаревших цифр¹.

К вопросу о трех подведениях итогов «потерь от изгнания», проведенных в 50-е гг.

Первая разработка: «Потери Германии в населении в результате второй мировой войны»

Одна из первых разработок на данную тему, исследование под названием «Потери Германии в населении в результате второй мировой войны», была опубликована в 1953 г. Бруно Гляйце оценивал в нем тогдашнюю статистику. Он задавался вопросом о том, какие потери должно было зарегистрировать

---

¹ Я благодарю Фонд содействия научным исследованиям Австрийской Республики, без поддержки которого не смог бы осуществить эту аналитическую работу. Частичные результаты восходят к проекту по истории демографии в Германии до и после 1945 г., осуществленного при содействии Немецкого общества научных исследований.

немецкое гражданское население в законных по состоянию на 1937-1938 гг. границах немецкого государства. Это ограничение во времени было в то же время и территориальным. Он хотел подсчитать численность немецкого населения по ту сторону границы по Одере и Нейсе, чтобы установить его потери. Проблема итога, к которому стремился автор, заключалась в недостаточной организации статистики после 1945 г., в неполноте информационного материала и в отсутствии учета населения в последние военные годы и после войны. Все это противостояло процедуре счета, сориентированной на индивидуальные судьбы. Кроме того, ни Советский Союз, ни Польская Народная Республика не обнародовали своих результатов по послевоенным переписям населения. Поэтому установление конкретных цифр было возможно с большим трудом.

В качестве исходного пункта Гляйце взял перепись населения 1939 г., в соответствии с которой 9,619 млн. немецких граждан проживали на территориях к востоку от Одера и Нейсе. В целом могли быть подсчитаны после 1945 г. 7,5 млн. беженцев, еще остававшихся в живых. Немцы, жившие за границей, учитывались в качестве отдельной группы. 3,4 млн. бежавших немцев, проживавших прежде за границей, жили в Западной Германии, 1,6 млн. в советской оккупационной зоне ГДР, а небольшое число зарегистрированных прибыло из других регионов. Гляйце насчитал 12,5 млн. беженцев применительно ко всем регионам, откуда происходило изгнание или бегство. Различие между исходной численностью в 1937-1939 гг. и численностью населения, бежавшего после 1945 г., дало Гляйце «действительную гибель людей» в сумме 6 млн. человек. Но это исходное число уже содержало количество в 2,6 млн. случаев, которые были не конкретными потерями, а лишь статистически рассчитанным показателем убыли рождаемости. Этот метод представлялся легитимным, т. к. в 1944-1945 гг. численность рождений в Германии драматически снизилась, так что численность потенциальных рождений была указана вместе с потерями.

Общее количество жертв войны в 6 млн. Гляйце разделил следующим образом: 600 тыс. гражданских жертв при воздушных налетах, 800 тыс. «жертв бегства изгнанного восточногерманского населения», 1,2 млн. умерших из-за повысившейся смертности и 300 тыс. жертв национал-социалистского террора². Так как ко времени анализа, проведенного Гляйце, Федеральный закон об изгнанных (§ 1) еще не был отработан в терминологическом отношении, автор говорил о жителях Восточной Германии и немцах, живших за границей, но еще не об изгнанных. Результатом было разграничение между потерями германских граждан до второй мировой войны и немцев, живших за границей, которые только в результате гитлеровской политики экспансии и завоевания «жизненного пространства» стали гражданами германского государства или «империи». Кроме того, он включал в свои расчеты немцев-жертв национал-социалистского режима, чего избегали составители позднейших балансов.

Вторая разработка: «Документация по изгнанию немцев из восточных областей Центральной Европы»

В 1953 г. вышли первые три тома «Документации по изгнанию немцев из восточных областей Центральной Европы». Работа, выполненная по заказу Федерального министерства по делам изгнанных, концентрировалась поначалу на областях по ту сторону границы по Одере и Нейсе. В балансе жертв, проведенном комиссией историков, приводились следующие цифры: исходя из состояния населения в 1939 г., которое и здесь было дополнено статистически ожидавшимся приростом, в Восточной Пруссии проживали 2,619 млн., а в Восточной Померании 1,985 млн., в Восточном Бранденбурге 659 000, а в Силезии 4,824 млн. немцев. Тем самым в утраченных восточных областях перед изгнанием было 10,087 млн. немцев, которым в Западной Германии и ГДР после бегства и изгнания противостояли 7,085 млн. лиц восточногерманского проис-

---

² B. Gleitze, *Deutschlands Bevölkerungsverluste durch den Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*, 1953, S. 375-384, 384.

хождения. Из разницы, составлявшей 3,002 млн. человек, были вычтены 835 000, происхождение которых точнее не специфицировалось. В целом группа составителей документов говорила о 2,167 млн. «потерь в результате войны и изгнания». Из них вычитались 500 000 погибших в вермахте и 50 000 жертв воздушной войны. Тем самым для территорий к востоку от линии Одер-Нейсе был доказан итог потерь примерно в 1,6 млн. погибших³.

Проблема этих чисел заключалась в том, что речь шла в данном случае только о балансе статистических позиций, но не о каждом отдельно доказанном числе жертв. Кроме того, нет прозрачного прослеженного изъятия отдельных позиций из данных по территориям, претерпевшим изгнание, – Восточной Пруссии, Восточной Померании, Восточному Бранденбургу и Силезии, если жертвы войны отдельно вычитались из данных по каждому региону. «Документация» дает баланс жертв для Восточной Пруссии в 614 000, для Восточной Померании 440 000, для Восточного Бранденбурга 239 000, а для Силезии 835 000 человек. Внутреннее экспертное заключение по этой статистике потерь дало Федеральное ведомство статистики 15 июля 1954 г.: «К сожалению, глава «Потери немецкого гражданского населения к востоку от Одера-Нейсе в ходе его изгнания» [...] в «Документации изгнания», изданной Федеральным министерством по делам изгнанных [...], очень коротка. [...] Упомянутые положения не могут ни дополнить, ни подтвердить оценки Федерального ведомства статистики по поводу исчезнувших. [...] Если в «Документации» названа численность потерь в 1,6 млн. чел., то это следует рассматривать не как доказательство правильности оценок количества исчезнувших, которые дало Федеральное ведомство статистики, но как случайное совпадение». В своем внутреннем заключении для министерства по делам изгнанных статистики придали большое значение более точному различению

---

³ *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*, Bd. 1/1: Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse, München 2004, S. 158E.

между исчезнувшими и действительными жертвами. Похищенными, но не убитыми считались в особенности «фольксдойче» из Советского Союза⁴. Следующая проблема заключалась в том, что комиссии и Федеральному ведомству статистики был известен проект церковной службы розыска, заключающийся в установлении конкретного числа жертв. Уже тогда те, кто работал в обоих конкурировавших проектах, понимали, что церковная служба розыска установила численность жертв, «слишком низкую в любом случае», так как эта численность приведет только «к политически нежелательным выводам в ряде зарубежных стран». Чтобы одновременно удовлетворить желание высокой численности жертв и потребность в статистической безупречности, Федеральное ведомство статистики предложило способ «баланса населения». В соответствии с ним исходное состояние определенной группы населения сравнивалось с позднейшим конечным состоянием, причем благодаря учету столь различных факторов, как падение рождаемости и смертности, отъезды и приезды, численность жертв может быть скорректирована в сторону как уменьшения, так и увеличения, без точного доказательства отдельных случаев. Но Федеральное ведомство статистики признало, что этот способ свидетельствовал только о потерях на основе расчета, а не о жертвах⁵.

Третья разработка: «Баланс движения населения для немецких территорий изгнания на 1939-1950 гг».

Когда в 1958 г. вышло исследование Федерального ведомства статистики о «немецких потерях от изгнания», оно, применительно к численности потерь от изгнания для немецких

---

⁴ BArch, N 1188, 3071, Zwischenbericht der Dokumentationsgruppe vom 15. 6. 1954 über das Gutachten des Statistischen Bundesamtes vom 17. 7. 1953, S. 5.

⁵ *Ibidem*, цитируется по отчету Федерального ведомства статистики о работах с целью численного установления потерь гражданского населения в результате бегства и изгнания с немецкой территории (состав территории по состоянию на 31.12.37) к востоку от Одера и Нейсе и из остальных районов немецкого поселения в Восточной и Юго-Восточной Европе от 17.7.1953.

восточных территорий в границах 1937 г., исходило из 1 338 700 человек. Это число было по сравнению с данными первого тома об Одере и Нейсе в «Документации по изгнанию» скорректировано в сторону уменьшения с 1,6 млн. на 261 300 чел. При этом в отдельности только цифры Федерального ведомства статистики по потерям судетских немцев соответствуют данным тома о Чехословакии в «Документации по изгнанию», составляя в каждом случае 225 000 чел. Правда, баланс движения населения, предложенный Федеральным ведомством статистики, свидетельствует об ошибочной регистрации как минимум более 80 000 чел. В то время как соответствующий автор раздела о численности населения Данцига со всей определенностью свидетельствовал о приведенных им данных в 83 200 мертвых как о жертвах заключительных боев за город с Красной Армией, т. е. как о жертвах военных действий, заключительный отчет приводит эти данные в том же томе как количество «умерших после войны», т. е. как потерю в результате изгнания⁶.

Очевидно, и в балансе потерь, подготовленном Федеральным ведомством статистики, было проведено недостаточное различие между жертвами военных действий, жертвами бегства и прямыми жертвами насилия во время изгнания. Из исходной численности населения в 9 289 700 млн. чел. к концу войны было вычтено 7 951 000 млн. выясненных случаев. Это были, в частности, успешные случаи бегства, оставшиеся в тылу немцы и интернированные гражданские лица. Различие между обеими цифрами, составлявшее 1 338 700 млн. чел., оценивалось в качестве потерь в результате изгнания. В отдельности баланс потерь при региональном разделении классифицируется следующим образом: для Восточной Пруссии 299 200 «людей, погибших в результате войны, в бегстве, из-за угона и изгнания», для Восточной Померании 364 700, для

---

⁶ *Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50*, hrsg. vom Statistischen Bundesamt, Wiesbaden 1958, S. 45. Здесь отдельный случай из общих данных и на С. 266 по-другому классифицированный случай.

Восточного Бранденбурга 207 500, для Силезии – 466 300 чел. Потери немцев, проживавших за границей, указывались равными в общей сложности 592 500 чел. Это составляло общую численность потерь в 1 931 200 чел., судьба которых хотя и была невыясненной, но которые рассматривались как погибшие⁷.

Промежуточное резюме

Если рассматривать различие на основе расчета между первыми данными из «Потерь Германии в населении», приведенными Гляйце, и «Документации», то бросится в глаза различие между 800 000 восточногерманских жертв изгнания и 1,6 млн. мертвых изгнанных. Различие составляет, как бы там ни было, 468 000 человек. Численность жертв удвоилась за краткий промежуток времени, без дополнительных оценок новой информации или определения круга жертв по-иному. Как объясняется это удвоение? Эти и другие статистические проблемы не могли быть удовлетворительным образом разрешены с 1953 по 1965 гг., хотя польские политологи и польские публицисты-эмигранты из Англии уже требовали более доказательного изложения этой и других проблем⁸.

Исследования 60-70-х гг. по установлению конкретной численности жертв

«Общее исследование по выяснению судьбы немецкого населения на территориях изгнания» (1965 г.)

Отсутствие дифференцированной регистрации немецких беженцев побудило федеральное правительство 25 марта 1953 г. поручить церковной службе розыска провести индивидуальный учет жертв при участии союзов изгнанных. Речь шла исключительно о пересчете количества конкретных жертв

---

⁷ *Die Deutschen Vertreibungsverluste*, S. 38, 45, 81, 130, 162, 200.

⁸ Ср., в частности, S. Schimitzek, *Vertreibungsverluste? Westdeutsche Zahlenspiele*, Warszawa 1966.

насилия, а не о составлении их баланса. Проблема баланса заключалась в том, что он работал только со статистическими переменными, а не с конкретно подтвержденной численностью жертв. Исследование церковной службы розыска было новшеством, так как с его помощью впервые поступила информация окружного и городского уровня о численности подтвержденных жертв. Соответствующий метод покоился на дорогостоящей процедуре. Сначала сами союзы изгнанных с помощью анкет систематически обращались к соответствующим свидетелям на окружном и городском уровнях. В соответствии с этим были исключены двойные подсчеты, т. к. численность засвидетельствованных случаев сопоставлялась с показаниями свидетелей.

Численность лиц, установленных службой розыска на 1939 г., составляла 16 199 086. После 1945 г. в качестве живых были установлены 12 848 497 чел. А из этих первоначальных 16 199 086 человек 473 013 были убиты или умерли «во время изгнаний или вследствие их». Численность жертв, которые были в узком смысле определения жертвами насилия при изгнании или его смертельных последствий, делилась следующим образом: 112 612 случаев с неизвестными причинами смерти, 93 383 умерших во время бегства, 80 522 умерших в лагерях, 63 876 погибших от последствий изгнания, 58 256 жертв насилия, например, вследствие расстрела или других насильственных преступлений, 49 452 умерших при насильственном угоне, 14 356 случаев самоубийства и 566 прочих лиц, затронутых смертельными последствиями. Этим цифрам противостоят 971 585 умерших в статусе военнопленных и после изгнания и 1 905 991 «невьясненных случаев»⁹. В соответствии с региональной расшифровкой в Восточной Пруссии насчитывалось 123 360 подтвержденных жертв, в Восточной Померании – 47 849, в Восточном Бранденбурге – 32 611 и в Силезии – 51 926; для регионов проживания немцев на границе и за рубежом на

---

⁹ *Gesamterhebung zur Klärung des Schicksals der deutschen Bevölkerung in den Vertreibungsgebieten*, herausgegeben von der Zentralstelle des Kirchlichen Suchdienstes München, Bd. 1, München 1965, S. 30.

Верхнюю Силезию приходилось 41 632, на Данциг-Западную Пруссию 47 636 и на Судетскую область 18 889 чел.¹⁰

Хотя данные церковной службы розыска являются цифрами жертв, впервые подтвержденными и проверенными в отдельных случаях свидетельствами современников, это исследование было лишь в недостаточной мере принято во внимание. Во-первых, речь шла о плохо читаемом тексте; во-вторых, он был труднодоступен. Трехтомная работа не попала в межбиблиотечный абонемент. Кроме того, с ней до сих пор можно ознакомиться только в трех городах Федеративной Республики Германии, в которых существуют институты.

Вторая разработка: «Изгнание и преступления, связанные с изгнанием 1945-1948 гг.» (1974 г.)

Когда федеральное правительство большой коалиции во главе с канцлером Кизингером 16 июля 1969 г. снова поручило провести исследование, чтобы установить действительную численность жертв изгнания, которые могли быть рассмотрены судами, имело место, в отличие от итогов, подведенных Федеральным ведомством статистики в 1958 г., значительное подтверждение гораздо меньшей численности жертв изгнания, как указывали уже результаты обследования церковной службы розыска. С привлечением всего способного быть использованным материала источников и при отказе от двойного засвидетельствования жертв последнее исследование, ориентированное на отдельный случай, пришло к численности в 400 000 чел., погибших в результате преступлений, связанных с изгнанием, совершенных на территориях по ту сторону Одера и Нейсе, т. е. в современных Польше и Калининградской области.

Численность жертв складывается из следующих составляющих: 120 000 умерших в 1944-1945 гг. погибли в результате насильственных действий военнослужащих Красной Армии и, в соответствии с грубыми оценками, еще от 40 000 до 100 000

---

¹⁰ *Ibidem*, Bd. 1: S. 55, 183; Bd. 2: S. 227, 353, 405, und Bd. 3: 471.

жертв объясняются жестокими условиями содержания или недостатком питания и медицинского обслуживания в польских и советских лагерях. К этим показателям были прибавлены 200 000 «фольксдойче», депортированных в Советский Союз, судьба которых, однако, считалась неопределенной¹¹. В случае судетских немцев было названо количество в 6 000 жертв с установленными именами и, кроме них, 100 000 предполагаемых жертв, причем авторы настаивали на численности жертв в 130 000. Для Югославии были названы 80 000 жертв. В целом это исследование применительно ко всем территориям, откуда происходило изгнание, приводит к оценочному результату примерно в 630 000 возможных жертв. Федеральное министерство, однако, только в 1989 г. сделало это исследование доступным для общественности. Тем самым эти цифры с момента своего опубликования оставались 15 лет скрытыми. Если вычесть многочисленные предполагаемые смертные случаи, то общая численность немецких жертв со всех территорий, откуда происходило изгнание, могла колебаться между 500 000 и 600 000 чел.

Нынешнее исследование в поле напряженности между наукой и политикой

Немецкая историческая наука только в 90-е гг. приняла к сведению исследование как Федерального архива, так и церковной службы розыска. Рюдигер Оверман, занимавшийся в Управлении военно-исторических исследований реконструкцией потерь вермахта, был первым западногерманским военным историком, который установил, что численность погибших военнослужащих вермахта оказалась существенно выше, чем было известно до тех пор. Он констатировал, что изменение статьи о погибших военнослужащих было важно и для баланса потерь от изгнания. Как бы там ни было, речь шла

---

¹¹ *Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945-1948*, Bericht des Bundesarchivs vom 28. Mai 1974. *Archivalien und ausgewählte Erlebnisquellen*, herausgegeben von der Kulturstiftung der Vertriebenen und mit einem Vorwort versehen von Bundesinnenminister Friedrich Zimmermann, Bonn 1989.

о числе, как минимум на 5,3 млн. умерших превосходившем данные балансов. Чтобы представлять себе данные, о которых идет речь, отметим: Федеральное ведомство статистики указало в 1958 г. численность погибших солдат примерно в 2 938 млн., вместо 5,3 млн. рассчитанных Оверманом. Ранее исходили из 1,8 млн. погибших солдат с территории ФРГ, 656 000 из немецких провинций Восточной Пруссии, Восточной Померании, Восточного Бранденбурга и Силезии, а также еще 482 000 «немцев, проживающих за рубежом» из Данцига, Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии и Румынии¹². В целом, однако, речь идет о разнице между 2 938 000 и 5 300 000 солдат вермахта. Следовательно, в целом около 2 362 млн. военных потерь в неизвестных случаях прибавлялись к потерям от изгнания¹³. Новое состояние исследования показывает в целом, что численность более чем в два миллиона жертв изгнания основывалась, с одной стороны, на переадресации смертных случаев в вермахте к невыясненным случаям, с другой – велась дополнительная работа с различными прочими невыясненными статьями. Эта проблема была распознана тогда германо-чешской комиссией историков. Комиссия сократила численность жертв среди судетских немцев с 250 000 из «Баланса» 1958 г. и «Документации по изгнанию» до 15 000 или, самое большое, 30 000 смертных случаев¹⁴.

Реакция на конкретные исследовательские проекты в публицистике изгнанных и политических кругах, представлявших их интересы

Между тем указание потерь от изгнания величиной свыше 2 млн. жертв (или более) согласно оценке ведущих немецких

---

¹² *Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50*, S. 15, 38, 47.

¹³ R. Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*, München 2000, S. 298f., Zahlen auf S. 300.

¹⁴ Cp. J. Kučera, *Statistische Berechnungen der Vertreibungsverluste - Schlusswort oder Sackgasse?* // J.K. Hönsch (Hg. u. a.), *Begegnung und Konflikt. Schlaglichter auf das Verhältnis von Tschechen, Slowaken und Deutschen 1815-1989*, Essen 2001, S. 231-244, und *Stellungnahme der Deutsch-Tschechischen Historikerkommission vom 17. 12. 1996*.

историков признано не выдерживающим критики. Вместо этого следует исходить из числа не более чем в 500-600 000 жертв насилия. Но численность в более чем 2 млн. умерших при изгнании в немецкой политике по отношению к воспоминаниям снова, между тем, играет центральную роль. Следуя за публикацией об изгнанных в «Судетонемецкой белой книге», Союз изгнанных и некоторые его землячества, например, судетские немцы, по-прежнему исходят из преступления против немцев на территориях изгнания в масштабах геноцида. В противоположность насильственной миграции, характеризующейся резней, отчуждением имущества и этнической сегрегацией, геноцид основывается еще на одном дополнительном признаке. Речь идет о том, что преступники должны были не только изгнать социально дискриминируемые и разделенные в пространственном отношении группы населения, но и намереваться коллективно уничтожить их. Без этого центрального признака – намерения уничтожить – говорить о геноциде нельзя. Чтобы подкрепить тезис о геноциде в отношении немцев, в последнее время были привлечены две работы, на которые и делались ссылки, а именно: труды Хайнца Навратила «Послевоенные немецкие потери» и «Черная книга изгнания»¹⁵.

Мартин Бросцат, покойный директор Института истории современности в Мюнхене, уже в 1987 г. оценил труды Навратила как «полемиические трактаты из право-национального лагеря, абсурдным образом расширяющие определение и масштабы “преступлений в связи с изгнанием”». Бросцат имел все основания оценивать не только уровень исследования, но и политические императивы проблематики изгнания. Ведь он вместе с Хансом-Ульрихом Велером, будучи редактором тома по Румынии «Документации изгнания», порвал с существовавшей до тех пор практикой эсэсовских в прошлом статистиков, группировавшихся вокруг Вильфрида Краллerta и рабо-

---

¹⁵ H. Nawratil, *Die deutschen Nachkriegsverluste unter Vertriebenen, Gefangenen und Verschleppten*, München 1988, *idem.*, *Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit*, München 1982.

тавших теперь для Федеративной Республики. Она заключалась в прибавлении жертв геноцида евреев к числу немецких жертв¹⁶. Несмотря на эти преувеличенные цифры Навратила, его ложной интерпретации продолжал придерживаться в особенности Союз изгнанных. Так, Эрика Штайнбах отрецензировала «Черную книгу» Навратила для «Франкфуртер альгемайне цайтунг» следующим комментарием: «Навратил резюмирует факты, состоящие в том, что при изгнании на Запад или насильственном уgone на Восток с 1945 по 1948 гг. вне боевых действий погибли 2,8 млн. немцев. Эта цифра выше тех, которые обычно имеют хождение, потому, что были учтены эвакуированные в конце войны на Восток жители Западной и Центральной Германии, численность жертв среди которых исчислялась 220 000, как и около 350 000 русских немцев, погибших во время депортации. Из отчета Федерального архива, скрывавшегося в 70-е гг. по соображениям политики разрядки, мы знаем, что из гражданских потерь в результате изгнания или послевоенных потерь на Востоке погибли по меньшей мере 600 000 (sic! – *Подчеркнуто мной.* – И. Х.) чел. как жертвы непосредственного насилия в результате убийств, в том числе умышленных, и массовых изнасилований. Некоторым подозрительным попыткам изобразить это как общее число жертв изгнания можно возразить вместе с Навратилом, что большинство умерло от последствий жестокого обращения, голода, изнурения в лагерях или при транспортировке и в результате уничтожения трудом»¹⁷.

Без сомнения, председатель Союза изгнанных не только принимает за чистую монету ошибочную интерпретацию, предложенную тем из крайне правых представителей политического спектра, кто не является экспертом. Она использует

---

¹⁶ *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*, Bd. III: *Das Schicksal der Deutschen in Rumänien*, München 2004, 122E., vgl. I. Haar, *Die deutschen Vertreibungsverluste-Zur Entstehungsgeschichte der Dokumentation der Vertreibung* // *Tel Aviver Jahrbuch* 35 (2007), S. 251-772, S. 264.

¹⁷ E. Steinbach, *„In ordnungsgemäßer und humaner Weise“*. Rezension von Heinz Nawratils *„Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit“*, München 1999 // *FAZ Sachbuch*.

его и в качестве главного свидетеля для того, чтобы дополнительно отвергнуть научную ревизию балансов потерь с помощью существовавшей до сих пор проверки отдельных случаев. Кроме того, группа неизвестных случаев в унисон прибавляется к числу жертв изгнания без учета того, что церковная служба розыска впервые методически правильно отделила число конкретных жертв насилия от превышавшего миллион числа неизвестных случаев. За этим способом действия скрывался призыв к тому, чтобы не только сохранить в качестве материала для ссылок устаревшие к тому времени цифры 1953 и 1958 гг., но и сверх того опорочить ценность новейших техник исследования, давших свои результаты в 1965 и 1974 гг., и ослабить их значимость.

Если тем временем «Центр против изгнаний» Союза изгнанных в Берлине ставит насильственную миграцию немцев из восточных областей Центральной Европы на одну доску с геноцидом армян, то завышенная численность немецких жертв функционирует в историко-статистическом ядре выставки по существу как масштаб для сравнения объемов преступлений. Хотя статистика потерь, приводимая в исследованиях Федерального архива и церковной службы розыска, наталкивает на другие выводы, Союз изгнанных указывает на своей Берлинской выставке, открытой 11 августа 2006 г. и рекламирующей Центр против изгнания, 914 000 жертв в Восточной Германии в границах 1937 г., с прибавлением 83 000 жертв насилия из Данцига и 238 000 жертв среди судетских немцев¹⁸. Различие между подтвержденными жертвами и невыясненными случаями отсутствует и по сей день. Вместо того, чтобы технически корректно и политически осмысленно засвидетельствовать «невыясненными» случаи, вызванные войной, бегством и изгнанием именно в качестве таковых, говорят исключительно о «мертвых» в результате войны. Открытым остается вопрос о том, не связано ли с протестом против устаревших цифр 50-х гг. и изменение политики в германо-

---

¹⁸ *Chronik der Vertreibungen europäischer Völker*, www.z-g-v.de/aktuelles/?id=58.

чешских и германо-польских отношениях со стороны нынешнего федерального правительства.

Об изменившемся обращении правительства Коля (ХДС/СвДП) 1989 г. и федерального правительства (ХДС) 2006 г. с численностью жертв

Политические силы уже дважды ставили недвусмысленный знак признания численности прямых жертв в качестве общего масштаба. В первый раз это произошло, когда христианско-демократический министр внутренних дел Фридрих Циммерман констатировал в своем предисловии к подготовленному в 1974 г., но опубликованному только в 1989 г. исследованию Федерального архива, что он, впервые в связи с потерями изгнанных немцев, чувствует себя обязанным к «разрядке» в отношениях между Федеративной Республикой Германией и восточноевропейскими государствами. В этой связи он взял на вооружение интерпретацию Федерального архива о признании «процессов, подтвержденных свидетелями». Кроме того, Циммерман подчеркнул значение немецких преступлений, которые только и привели к изгнанию. Он осознавал также, что только «неподкупная [...] любовь к истине» противостояла «искаженным картинам [sic! – И. Х.] прошлого и извращенным легендам»¹⁹. Так он, несомненно, воздал должное серьезности попытки Федерального архива привлекать к рассмотрению лишь действительные, и не только сбалансированные, жертвы в качестве основы понимания истории. Федеральный архив уже тогда рассматривал снижение предполагаемой численности жертв как необходимость, чтобы противопоставить альтернативу численности в 2 млн. погибших в ходе изгнаний, указанной во время часа вопросов и ответов в бундестаге 25 октября 1967 г.: «Ссылаясь на Федеральное ведомство статистики, численность немецких жертв одних только преступлений в ходе изгнания, назвали, например, во время часа вопросов и ответов в бундестаге 25 октября 1967 г. равной более

---

¹⁹ F. Zimmermann, *Geleitwort des Bundesministers des Innern // Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945-1948*, S. 9-10, 10.

чем 2 млн. чел. Эта численность касается, однако, невыясненных случаев в опубликованном Федеральным ведомством статистики балансом движения населения для областей, откуда осуществлялось изгнание. Хотя они и называются там послевоенными потерями, но не охватывают исключительно жертвы преступлений против международного права»²⁰. Уже в 1974 г. важнейшая цель Федерального архива заключалась в том, чтобы осуществить дифференциацию между общими потерями населения из-за войны, бегства и мести немцам и их лишения прав с 1939 по 1945 гг., с одной стороны, и поддававшимися в отдельности доказательству противоречившими международному праву насильственными преступлениями в 1944-1945 гг. В действительности оба подхода требуют различных способов подсчета и различных количественных данных.

Второй повод дала подготовка германо-чешского заявления по поводу двустороннего процесса примирения с 1989 г. При этом тогдашний чешский президент Вацлав Гавел способствовал по договоренности с Куртом Биденкопфом (ХДС), в то время премьер-министром земли Саксония, созданию комиссии историков. Очевидно неправильно подытоженная численность немецких жертв насилия из бывшей Чехословацкой Республики, составлявшая 250 000 чел., была скорректирована на число подтвержденных случаев. Тогдашний министр иностранных дел Клаус Кинкель (СвДП) недвусмысленно приветствовал новое определение численности, не согласившись, однако, с требованием чехов об отклонении притязаний судетских немцев на компенсацию. Германо-чешская комиссия историков подтвердила приблизительно засвидетельствованную Федеральным архивом и церковной службой розыска численность в объеме от 15 до 20 000 жертв насилия. Чтобы не указывать численность слишком низкой и выйти за ее пределы, комиссия историков придерживалась не поддающегося доказательству, но вполне возможного уровня жертв в 30 000 человек.

---

²⁰ *Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945-1948, Bericht des Bundesarchivs vom 28. Mai 1974, S. 17f.*

При этом чешские историки не исключали даже численности в 40 000 жертв бегства и изгнания²¹.

Тем временем как в германо-чешских, так и в германо-польских отношениях обнаруживается позиция, изменившаяся по сравнению с 1989 г. Когда в ноябре 2006 г. статс-секретарь Кристоф Бергнер (ХДС, Федеральное министерство внутренних дел) вступил в актуальную конфронтацию с проблемой слишком высокого указания цифр Союзом изгнанных, он также аргументировал свою позицию цифрами из «Документации по изгнанию». Кроме того, он задним числом объявил данные этой комиссии – в силу собственной легитимации – «официальным» результатом²². Вероятно, было очевидным, что эти данные, превышавшие 2 млн. жертв, обрисовывали в лучшем случае численность невыясненных эпизодов плюс жертвы насилия во время бегства и в результате мести со стороны Красной Армии, но не гораздо меньшую численность действительных жертв насилия в результате изгнания. По-видимому, Федеральное министерство внутренних дел подвергло развитие ситуации 90-х гг. полному пересмотру, чтобы засвидетельствовать количество индивидуальных смертных случаев. В действительности Кристоф Бергнер попался на удочку интерпретации истории, со временем получившей всеобщее распространение, но от этого не менее сомнительной.

Имеющееся подозрение в том, что изгнание немцев – преступление под стать геноциду, сомнительно не только с научной, но и с политической точки зрения. Это подозрение вызывает внешнеполитический сигнал о том, чтобы воспринимать эпизод изгнания как коллективное преступление реконструированных после 1945 г. государств Восточной и Центральной Европы. К тому же бегство и изгнание рассматриваются как сфера, отделенная от истории преступлений

---

²¹ *Ängsten und Besorgnissen entgegenwirken. Sudetendeutsche: Historikerkommission heute bei Außenminister Kinkel // „Die Welt“, 4.12.1995.*

²² *Ch. Bergner, Keine deutsche Opferarithmetik // „Deutschlandfunk/Kultur heute“, 29.11.2006.*

Третьего рейха. Этот историко-политический сигнал представляет собой явный разрыв с политикой разрядки Федеративной Республики Германии, проводившейся с начала «новой восточной политики» Вилли Брандта до пути Хельмута Коля к договору «два плюс четыре» и германо-чешского заявления. Тот, например, кто ищет взаимопонимания с Польшей, указывает не только на состоятельные в научном отношении цифры жертв, но и включает преступления, совершенные немцами до 1945 г., в качестве причины формирования европейского послевоенного порядка.

Заключение: альтернативы и выходы из старых и новых разногласий

Ввиду того, что все военные потери бывшего Германского рейха, понесенные в 1944-1945 гг., в унисон приписываются польским, русским и чешским актам насилия, а также коллективно государствам, осуществившим изгнание, – Польше, России и Чехии, без различия, с одной стороны, между немцами, умершими в результате войны и бегства в 1944-1945 гг., и жертвами изгнания в результате целенаправленной насильственной миграции, с другой, возникает новая картина истории. Все эти группы лиц ретроспективно объявляются жертвами Потсдамского соглашения и послевоенной политики союзников, убитыми непосредственно в результате обусловленных войной насильственных последствий, павшими жертвой не состоявшегося освобождения тогдашних районов военных действий и поменявшими, как бывшие немцы, свое гражданство. Кроме того, убитые немецкие евреи, как и другие жертвы национал-социализма, были отнесены к потерям от изгнания. Они также причисляются к невыясненным случаям. В этой исторической конструкции изгнание немцев фигурирует как универсально-исторический ключ к объяснению второй мировой войны и непосредственной послевоенной истории. Заинтересованной общественности дается историческая картина немецкого коллектива жертв, который отожд-

дествляется с еврейскими жертвами второй мировой войны или армянскими жертвами первой.

Проблема того, почему эта попытка новой немецкой интерпретации истории оказалась успешной, заключается также, но не только, в недостаточном учете результатов подсчета жертв, основанного на отдельных случаях. Большая насущная потребность заключается в историко-критическом изображении потерь гражданского населения в результате войны, бегства и изгнания до немецкой капитуляции. Другая проблема состоит в том, что недостаточно развито состояние исследования, опирающегося на численность жертв второй мировой войны в историческом контексте войны, бегства и изгнания, с одной стороны, и национализации послевоенных сцен – с другой. Индивидуальные судьбы людей, затронутых насильственными преступлениями во всех европейских пограничных регионах на протяжении XX в., должны были бы ставиться во взаимозависимость с каждой конкретной цифрой жертв, а также синхронно и диахронно в отношении к различным региональным процессам. Последствия войны, выразившиеся в бегстве и мести, следовало отделять от более узких причин изгнания, т. е. от реконструкции восточноевропейских и центральноевропейских государств как национальных государств после 1945 г. Переходные зоны или взаимное перекрытие обоих процессов следовало бы включить в изложение, но в каждом случае осмысливать отдельно.

Как по научным, так и по политическим причинам необходимо стремиться к германо-польским историческим проектам, подготовленным соответствующим образом. В двусторонней исследовательской работе следовало бы постигнуть сложные исторические процессы, происходившие от краха немецкого общества к концу войны до реконструкции польского государства после капитуляции Германии, подвергнув их региональному и сравнительному исследованию, чтобы поставить бегство и изгнание в осознанное отношение к подлинным причинам второй мировой войны. При этом следовало бы, вероятно, четче различать бегство с Востока до немецкой

капитуляции и национализацию этих пространств в результате происшедших позже действительных преступлений изгнания. Немецкие историки еще недостаточно исчерпали эту тему – прежде всего то, что касается оценки численности жертв и их включения в отношении к более крупным линиям в общем ходе истории послевоенной европейской политики²³. Предоставлять здесь поле союзам изгнанных, закономерно односторонним в силу своих интересов, и правительственным инстанциям, не производящим впечатления профессионалов, не значит способствовать европейскому единству.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)

Статья является расширенной версией доклада, прочитанного 18 июня 2007 г. на польско-немецком семинаре в Центре исторических исследований Польской академии наук в Берлине на тему: «Исследование количества жертв оккупации и принудительных выселений. Сравнительный анализ на примере Польши и Германии». Немецкая версия статьи выйдет в первом номере ЦИИ ПАН «История».

---

²³ Исключения представляют: R. Overmans, *Personelle Verluste der deutschen Bevölkerung durch Flucht und Vertreibung* // „Dzieje Najnowsze“, rocznik 16 (1994), s. 51-63, 61, и K.P. Friedrich, *Vertreibung: Ein deutscher Geschichtsmythos. Irrige Vorstellungen über Ursachen, Begleitumstände und Verlauf der Zwangsausiedlungen von Deutschen belasten weiterhin das Verhältnis zu den östlichen Nachbarn*, Graudruck Marburg 1998. Польская версия опубликована в 1997 г. в ежемесячнике „Więź“, s. 153-164.